

«Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка¹.

Рационализация: история строит память и идентичность

Сегодня понятие «исторической политики» нуждается не столько в теоретическом оплодотворении, чем часто грешат публицисты, нанизывая на это понятие весь букварь своих знаний о теориях идеократий и социальных коммуникаций, сколько в предметном, институциональном его сужении. Ведь речь идёт не об идеологии, не о механизмах прямого или косвенного диктата, не о политическом вообще, не о политике вообще, не о памяти в целом и не об истории как таковой. Упражнения в описании «политики памяти» всё чаще граничат с рассуждениями о том, как в принципе превращать индивидуальную и коллективную память в объект манипулирования, отделяя её от потребительского «рыночного» поведения. Вся искусственность таких абстракций была давно и остро замечена даже таким безрелигиозным человеком, как сталинский академик, физик С.И.Вавилов: «Содержание души пропорционально памяти. Начало потери памяти – начало реальной смерти»². В современных обстоятельствах речь идёт о претензиях компенсировать естественную социальную память её рациональными симулякрами.

Сегодня под «исторической политикой» *в широком смысле* в России (вслед за Польшей и Украиной, о чём ниже) понимается – сколько бы конкурирующих версий их ни было - политика единых ориентиров, формул описания прошлого с целью формирования (не только властью, но и любым формирующим свой образ власти общественным институтом, в том числе оппозицией или даже революционной силой) партийного или общенационального единства, «политика памяти», историческая часть «национальной идеи».

Одновременно «историческая политика» *в узком смысле* – сколько бы конкурирующих версий её ни было - это систематическое профессиональное исследование и его институты, описание, преподавание и распространение исторических знаний-интерпретаций (прежде всего, о собственном прошлом). Оно первоначально производится как набор фундаментальных описаний и интерпретаций, полностью подчинённых стандартам и языку интернациональной науки, и лишь затем переводится на язык политических задач, «демократизируется» в гамме учебников для школы и высших учебных заведений, имплементируется в широкой сфере культуры и идентичности, включая музеи, туристические объекты, исторические символы, памятные даты, внутри- и внешнеполитические исторические претензии, общегосударственные или партийные ритуалы, протокольные мероприятия.

Ясно, что оба смысла «исторической политики» – широкий и узкий – одинаково, но с разной степенью интенсивности неизбежно находят или создают «образ исторического врага», чужого, другого. И это лишь подтверждает тот очевидный факт, что «историческая политика» - как всякое идеологическое творчество и культурное самосознание – существовала «всегда», во всём обозримом горизонте сообществ, владеющих чуть более сложными, чем простая космогония или мифология, диахроническими представлениями о человеческом мире и месте конкретного сообщества

¹ Написано специально для коллективного сборника статей «Исторические политики Евросоюза, Польши, Беларуси, Украины, России и Литва» (Вильнюс, 2013).

² С.И.Вавилов. Дневники. 1909-1951. Кн.2: 1920, 1935-1951 / Отв. ред. В.М.Орел. М., 2012. С.173.

А

в его развитии/пребывании. Можно сказать, что любые инструменты создания, сохранения и трансляции идентичности уже были инструментами «исторической политики» до того, как её называли таковой. Так герой Мольера – Журден, на старости лет решив приобщиться к высокой культуре, - с удивлением обнаружил, что уже 40 лет говорит не как-нибудь, а именно «прозой»³.

Творящий, селекционирующий смысл индивидуально-профессионального исторического знания, проективный и регулятивный, прямо мифологический и утопический смысл массового исторического (и политического) знания давно выяснен как проблема. Чтобы претендовать на отражение научной истины, политик должен до конца избавиться от претензий на аутентичное историческое знание. И не потому, что ему некогда сидеть в архивах и библиотеках, а потому, что само превращение исторической науки в «историческую политику» делает даже прошлое объектом манипуляций, чтобы управлять будущим с *большой* диахронической глубиной и эмоциональностью.

Крупный французский историк, чьи суждения о методе следуют за предметом, Жак Ле Гофф воспроизводит и, как ему кажется, опровергает это грубое обстоятельство. Он пишет, цитируя:

«История, согласно Хайдеггеру, это не просто осуществлённая человеком проекция настоящего в прошлое, но и проекция в прошлое в наибольшей степени вымышленной части его настоящего; **это проекция в прошлое будущего, которое он выбрал для себя, это история-вымысел, история-желание, обращённая вспять...** Поль Вен прав в своём осуждении этой точки зрения, говоря, что Хайдеггер «всего лишь встраивает в антиинтеллектуальную философию националистическую историографию прошлого [XIX] века...»⁴.

Но что иное, кроме как XIX век национальных возрождений, национализма, протекционизма и милитаризма, служит сегодня контекстом для абсолютного большинства властных «исторических политик» в Центральной и Восточной Европе, Прибалтике, Закавказье и Средней Азии? Разве что-то иное служит образцом для властей России в поиске той «исторической политики», что могла бы построить (с учётом российских многонациональности и федерализма) исторический шаблон для общенационального единства? Потому и академическое презрение французского историка к утопической и интерпретативной силе истории выглядит неискренней претензией на обладание истиной, свободное от актуальности и контекста.

Впрочем, и это академическое высокомерие Ле Гоффа, и моя гипотеза о возвращении контекста национализма находятся внутри единой исторической реальности, давно описанной великим левым мыслителем и - в 1940-1952 гг. – высокопоставленным сотрудником спецслужб и Государственного департамента США, стоявшим у истоков принципиальных решений США о послевоенном мироустройстве в борьбе против СССР и коммунизма. Это он, Герберт Маркузе, писал об этой реальности задолго до того, как она нашла себе частное применение в «исторической политике»:

«В обществе тотальной мобилизации, формирование которого происходит в наиболее развитых странах индустриальной цивилизации, можно видеть... формирование **предустановленной гармонии между образованием и национальной целью**; вторжение общественного мнения в частное домашнее хозяйство; открытие дверей спальни перед средствами массовой коммуникации»⁵.

Переводя на язык практики этот почти-эвфемизм о «предустановленной гармонии между образованием и национальной целью», мы должны прямо признать, что речь идёт о присутствии современности – там, где современность устойчива и функционирует как

³ Мольер. Мещанин во дворянстве. Действие 2. Явление 6.

⁴ Жак Ле Гофф. История и память [1986] / Пер. К.З.Акопяна. М., 2013. С.147-148.

⁵ Герберт Маркузе. Одномерный человек [1964] / Пер. А.А.Юдина. М., 2009. С.40-41.

консенсус – государственном, корпоративном и общественном идеологическом диктате в области массовой культуры и грамотности, острие которого и составляет «историческая политика».

Современный русский философ Елена Петровская, успешно интегрирующая (преимущественно левую) западную, особенно французскую философскую традицию XX века в русский культурно-политический контекст начала XXI века, обоснованно отмечает: «всякий объект исследования необходимо построить или создать». И ещё более обоснованно удерживает нас от примитивной азбуки массовой культуры, тоталитаризма-авторитаризма и современного «большого брата» технологического контроля над потребителем информации (включая историческую).

Она говорит о том, в чём избегают признаваться себе проектировщики «исторической политики», особенно из числа тех, кто противостоит государственным усилиям в этой сфере массовой пропаганды, и тех, кто упаковывает свой антикоммунистический историко-пропагандистский продукт в бронированные листы рационально создаваемой национально-государственной идентичности, мимикрируя под консенсус:

«массовая культура – это не объект чистого манипулирования, но область активной **переработки фундаментальных социальных и политических тревог, фантазий и переживаний**. На уровне отдельного произведения эта переработка осуществляется таким образом, что «сырой материал» фантазий и желаний часто архаического толка выходит на поверхность только для того, чтобы подвергнуться вытеснению со стороны символических структур произведения, которые обеспечивают реализацию желаний лишь в той мере, в какой их можно тут же нейтрализовать. Так вытеснение и исполнение желаний становятся двумя сторонами одного и того же механизма»⁶.

Так выявление, селекция, «приручение», эксплуатация и подмена исторического опыта (травмы, гордости, миссии) народа в интересах прикладной политики становится сутью «исторической политики». Стержнем и текстом такой политики выступает не историческое исследование вообще, а то, что современный голландский философ Ф.Р. Анкерсмит анализирует как «идеологический нарратив». В его анализе важно, что *как научный метод* – практически одновременно со становлением «исторической политики» как инструмента «холодной войны» против СССР – этот нарратив всё более подвергается сомнению именно с точки зрения его *научного качества*. Он становится умозрением, «спекулятивной философией истории», не наукой, а предметом веры: «этот тип философии истории, начиная с 1950-х гг., несколько испортил свою репутацию. Спекулятивная философия истории была обвинена в получении псевдознания о прошлом. Говоря конкретнее, было показано, что спекулятивная философия истории есть часть метафизики, поэтому получаемое ею знание не столько ложно, сколько не верифицируемо». С тех пор «спекулятивная философия истории все же осталась тем подходом к прошлому, которого избегают и историки, и философы»⁷. Но, добавлю, этот подход профессионально предпочитают использовать политики посткоммунистических и постсоветских государств. Что же - в описании Ф.Р. Анкерсмита - с точки зрения знания и какое именно отношение к миру и обществу выражает эта современная метафизика «исторической политики»?

«Историография создает нарративные интерпретации социоисторической действительности... Нарративные интерпретации - это тезисы, а не гипотезы. **Нарративные интерпретации обращаются к прошлому, а не корреспондируют и не соотносятся с ним**. Современная философия исторического нарратива околдована идеей утверждений. Язык нарративов автономен в отношении

⁶ Елена Петровская. Безымянные сообщества. М., 2012. С.228-230.

⁷ Франклин Рудольф Анкерсмит. История и тропология: взлёт и падение метафоры [1994] / Пер. М.Кукарцевой, Е.Коломоец, В.Кашаева. М., 2003. С.5-6.

прошлого... нарративные интерпретации походят на модели, используемые дизайнерами одежды для демонстрации достоинств своих костюмов... **Нарративизм - это конструирование не того, чем прошлое могло бы быть, а нарративных интерпретаций прошлого...** Нарративные интерпретации являются не знанием, но организацией знания... Современная историография основывается на политическом решении»⁸.

В тени и сети таких «политических решений» подлинный поиск исторической истины – результат совокупных и конкурентных усилий, точно так же, как, например, свобода слова – финальный результат борьбы разнонаправленных ангажированных медиа, как общество – совокупность эгоистических усилий. Поэтому в тех обществах, где тотальный идейный диктат невозможен, «историческая политика» выступает не только как централизованная «политика памяти» или историография нации, но и как поле конкуренции разных «исторических политик». Равным образом, политическая сфера международных отношений является полем для инструментализации, навязывания стандартов, борьбы, сотрудничества, экспансии, «колонизации» государственных и общественных национальных и блоковых «исторических политик», если таковые способны к самоорганизации.

Нацизм и коммунизм: инструментализация и политические решения

Всякое понятие исторично и непосредственно «исторической политике» как системе рациональных действий в области истории, а не естественному «ландшафту памяти», всего около 30 лет. Известно, что, появившись в разделённой ещё Германии как метод общественно значимых интерпретаций нацистского прошлого Германии, «историческая политика» как рациональная задача была вскоре воспринята в посткоммунистической Польше, где в 1998 году был создан уникальный государственный Институт национальной памяти, имеющий своей целью не только исследование, но и прокурорское расследование и преследование преступлений нацизма и коммунизма с тем, чтобы далее государство осуществляло по их итогам карательные санкции или выдвигало общенациональные политические претензии. Не расследованиям, а презентациям преступлений коммунизма и формированию национально-политической идентичности, как известно, посвящены и «музеи оккупации» в Прибалтике, на Украине и в Грузии. Их статус ниже статуса польского Института национальной памяти, но они в равной степени являются инструментами современной «исторической политики».

Учитывая особую роль в польской истории и культуре принципов национальной мобилизации, мессианства, государственности и культа национальной жертвы, не удивительно, что именно современная Польша должна быть признана тем создателем «исторической политики», который из немецкого опыта околосударственной дискуссионной лаборатории «исторической политики» превратил её в мощное оружие государственных политической люстрации, идеологического контроля и национальной историографии. Это соединение исторических исследований (в идеале борющихся за научную истину) с расследованием военных и политических преступлений стало беспрецедентным и уникальным изобретением польской практики, до сих пор не повторённым и не превзойдённым ни в одной стране современного мира. Даже Сталин не прибегал к историческому исследованию деятельности Троцкого, чтобы выдвинуть ему политические обвинения.

Именно польский образец стал во второй половине 2000-х исходным для создания аналогичного Института национальной памяти на Украине при президенте В.Ющенко, однако не в качестве самостоятельного ведомства, а в качестве подразделения Службы (государственной) безопасности.

⁸ Там же. С.118, 121, 122, 123, 129.

А

Это лишний раз проиллюстрировало то известное обстоятельство, что в посткоммунистических и постсоветских странах «историческая политика» является предметом особого государственного внимания: не только инструментом декоммунизации, но и инструментом построения новой национальной идентичности, в исторической части которой должны содержаться ответы на главные вопросы истории этих стран в XX веке. Эти вопросы следующие:

- (1) каковы были корни коммунизма и национализма в каждой из этих стран, как они пережили раскол мира
- (2) между (авторитарным, тоталитарным и демократическим) капитализмом и коммунизмом,
- (3) между нацизмом и его союзниками, с одной стороны, и коммунизмом, с другой, который в главные моменты Второй мировой войны против нацизма был союзником капиталистических демократий;
- (4) каковы были масштабы, пределы и причины сотрудничества этих стран или их обществ с нацизмом и коммунизмом.

Имея в виду, что национально-демократические движения в этих странах в конце 1980-х гг., приведшие к распаду мировой коммунистической системы и СССР, имели своим врагом именно коммунистический СССР, логично, что, преодолевая его наследие, эти движения и их «исторические политики» в бинарной системе массово-пропагандистской культуры выбрали именно коммунизм в качестве главного «чужого», «другого». Это автоматически породило проблему восстановления, реабилитации исторического национализма (часто - этнического авторитаризма) как стержня национальной государственности, «прерванной» коммунизмом. И поставило проблему коллаборационизма авторитарных и националистических движений с нацизмом, осуждение которого было редуцировано антикоммунизмом и, перейдя за грань историографического ревизионизма, превратилось в мемориализацию «очищенного» (и даже не «очищенного») от нацистских коннотаций коллаборационизма как «национальной силы», вместе с Гитлером борющейся за «независимость от СССР».

В современной России существует абсолютный, устойчивый, преемственный общенациональный консенсус вокруг Второй мировой войны и отвержения сотрудничества с нацизмом: по социологическим опросам, в среднем 85% считают День Победы 9 мая 1945 года главным государственным и одним из главных общественных праздников, в среднем до 95% заявляют, что представители их семьи принимали участие в войне против нацизма. Это само по себе проводит серьёзный водораздел между Россией и странами Центральной и Восточной Европы (кроме Польши и Сербии), где российский миф об общенациональной войне против Гитлера не находит столь однозначных аналогов и совмещается с нарративом о сопровождавших её актах гражданской войны «брата на брата», легитимирующих коллаборационизм и участие сотен тысяч солдат национальных частей в боях против сил антигитлеровской коалиции – на стороне Гитлера.

Со своей стороны, связывающее себя – в первую очередь посредством 9 мая - с историей СССР большинство населения России, таким образом, оказывается ментально живущим в генетически советском «ландшафте памяти», для которого исторический «другой», «чужой» и «враг» - нацизм и его союзники. Принципиальное отличие этого ландшафта России от «исторической политики» соседних стран Восточной Европы состоит и в том, что его существование носит инерционный, мало управляемый властью и обществом характер: и это естественно, ибо трудно представить себе, что для поддержания общенационального консенсуса вокруг 9 мая в России кому-то понадобилось бы прибегать не лапидарным мерам обслуживания ритуала и символов, а к особо изощрённым методам пропаганды, формирования идентичности и выработки особой «исторической политики».

Зримо действие механизма исторического консенсуса представляется, например, каждый год 9 мая в Москве, где традиционно на Поклонную гору в течение всего дня собираются

растущие сотни тысяч из тех, кто отмечает этот праздник. Наблюдение за изменениями структуры посетителей Поклонной горы свидетельствует, что год от года среди них растёт доля постоянно или временно живущих в Москве внешних и внутренних трудовых мигрантов из Средней Азии и с Кавказа. С формально-исторической точки зрения все они, будучи бывшими гражданами СССР или их детьми, отмечают тот официальный советский праздник, к которому имеют прямое отношение, равное с гражданами России. Однако сравнение празднования 9 мая в Москве на Поклонной горе с таковым же на родине этих мигрантов показывает, что там оно становится всё менее многолюдным. Это значит, что в наибольшей степени – вполне бессознательно, по логике памяти, – большинство мигрантов привлекает на Поклонную гору реализация в рамках ритуального консенсуса – именно дефицитного для них в будние дни социального равенства с остальными жителями Москвы, именно акт принадлежности к абсолютному социально полноправному большинству, важному для тех, кто в своей рабочей жизни остаётся на нижних этажах неформальной общественной и экономической иерархии.

Имея перед глазами столь яркую картину генетического консенсуса, государство и общество в целом остаются довольно пассивными зрителями того, как в медийной, кружковой, интеллектуальной сфере символика 9 мая и память о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. подвергаются интенсивной ревизии, становятся предметом альтернативного мифотворчества, в котором находят своё место и крипто-нацистские маргиналы, и поклонники коллаборационистов из армии Власова и казачьих формирований, «демифологизирующих» публикации, сталкивающих миф о войне с избирательными штудиями о зверствах Сталина, Красной Армии, НКВД, «Смерша» и т.д. Надо прямо сказать, что даже идеальная государственная «историческая политика» в России, даже если бы Россия была абсолютно тоталитарной, идеократической диктатурой, как то описывают её неумеренные критики, располагала бы неограниченными финансовыми и технологическими ресурсами, способными вести планетарную экспансию, – в интернациональном противоборстве против старого антикоммунизма и союзных ему старых и новых национализмов – Россия сегодня находилась бы в глухой, территориально изолированной обороне.

Дело в том, что принципиально «вселенская», надэтническая историческая идентичность России и СССР (борьба против нацизма, этнического национализма, шовинизма) реализовывает себя лишь в конкретно-исторической «политике памяти» (спасение именно народов России и СССР от геноцида), которая определяется в национальных рамках. Этой фактически изолированной «вселенскости», напротив, противостоит систематически выстроенная ещё в конце 1940 – начале 1950-х в интересах «холодной войны» Запада во главе с США солидарная «историческая политика», как уже сказано, соединяющая в себе мифы интегральной «западной цивилизации» с мифами национальных освобождений, приоритетно направленных не против Запада, а против враждебного ему СССР. Позитивная «цивилизационная» основа этой «исторической политики» Запада и её ключевые негативные паттерны о «русском медведе» и др., отрицающие «вселенские» притязания России, имеют гораздо большую глубину, чем символ 9 мая. Они были заложены в инструментальных мифах, сформулированных ещё в XVI веке в польско-немецкой публицистике, развитых в германской идеологии *Mitteleuropa* (Срединной Европы) и её восточного *Lebensraum* (жизненного пространства) конца XX – начала XX вв. и во многом совпадающих с ними польских проектах 1920-1930-х гг. *Mędrzytorze* (балтийско-адриатическое Междуморье) и «прометеизме» – проекте разрушения СССР с помощью националистических движений на Украине, Кавказе, Волге, в Туркестане и Сибири. В польском Генштабе о задачах «Прометей» в 1937 году писали так: «Прометеизм является движением всех без исключения народов, угнетаемых Россией... чтобы вызвать национальную революцию на территории СССР... «Прометей» мобилизует членов по собственной воле и под собственную ответственность, не беря на себя никаких политических обязательств по отношению к национальным центрам... «Прометей» должен

иметь право проявлять национальный радикализм для того, чтобы самым эффективным образом создать революционную динамику. Радикально-национальные тенденции не должны ему ставиться в вину и не должны неправильно расцениваться как фашистские...»⁹.

В июле 1959 года, после международной кампании по разоблачению системы принудительного труда в СССР и «экспорта коммунизма» в Восточную Европу, после организации мировой сети антикоммунистической интеллигенции¹⁰ и идеологического отрицания «тоталитаризма» в трудах таких известных лиц, как, например Ханны Арендт и Людвиг фон Мизес, пропаганды сводной теории «тоталитаризма», соавтором которой выступил известный американский идеолог польского происхождения, советник президента США по национальной безопасности (1977-1981) Збигнев Бжезински, после серии попыток объединить русскую антикоммунистическую эмиграцию, круги бывших нацистских коллаборационистов и организации националистической эмиграции и «правительств в изгнании» народов бывшей Российской империи и СССР в борьбе против СССР как целостного государства, разоблачения «коммунистической агентуры» в США (особенно в Государственном департаменте), Конгресс США принял резолюцию о «порабощенных народах» в СССР и странах коммунистического блока. В ней, в частности, говорилось: «с 1918 года империалистическая политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет зловещую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира». Резолюция требовала освобождения и независимости: Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, «Идель-Урала» (то есть Поволжья, Татарии и Башкирии), Тибета, «Казаккии» (то есть страны казаков), Туркестана, Северного Вьетнама¹¹. Было предписано ежегодно отмечать Неделю порабощенных народов: это продолжается и поныне, уже после распада СССР, объединения Германии, Вьетнама, декоммунизации и обретения независимости стран Восточной Европы и бывш. СССР.

Самым ярким событием антикоммунистической «исторической политики» Запада в 1990-е годы стал коллективный труд «Чёрная книга коммунизма», оперативно переизданный в России немислимым, невозможным для любой, в том числе прежней советской и современной русской, научной книги массовым тиражом в 100.000 (!) экземпляров. «Идеологический нарратив» этой книги исходил из антинаучной, достойной уличной агитации презумпции самозарождения коммунизма из средневековых утопий и злого русского большевизма: «Среди трагедий, потрясавших мир в XX веке, коммунизм - грандиозный феномен эпохи, начавшейся в 1917 году и окончившейся в Москве в 1991... Методы, пущенные в ход Лениным и возведенные в систему Сталиным, не только схожи с методами нацистов, но являются их предтечей»¹². Демонстративно игнорируя

⁹ Цит. по: Модест Колеров. Предел империй. Статьи и выступления 2009-2012. М., 2012. С.76.

¹⁰ См. об этом известный труд британской исследовательницы, недавно переведённый на русский язык: Фрэнсис Стонор Сондерс. ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны. М., 2013 (Frances Stonor Saunders. Who Paid the Piper: CIA and the Cultural Cold War, 1999).

¹¹ Автор текста резолюции – сотрудник Госдепа, президент Украинского конгрессового комитета США Лев Добрянски, учитель супруги президента Украины (2005-2010) Виктора Ющенко Кэтрин Чумаченко (с 1998), отец Полы Добрянски - заместительницы государственного секретаря США Кондολизы Райс (2005-2009).

¹² С. Куртуа. Преступления коммунизма // С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковски, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен, при участии Р. Коффер, П. Ригуло, П. Фонтен, И.

контексты исторических преступлений капитализма, колониализма, союзников Гитлера, авторы «Чёрной книги» так формулировали пафос своего труда, который даже трудно назвать иначе, кроме как ханжеский: «Почему Ленин, Троцкий, Сталин и другие считали необходимым уничтожать всех, кто представлялся им «врагами»? Почему сочли они себя вправе преступить священную заповедь, обращенную ко всему человечеству: «Не убий?»»¹³. Это ангажированное ханжество не было случайным и, по крайней мере, отражало и отражает новый операциональный консенсус вокруг «идеологического нарратива» и «политических решений», которые сегодня уже выстроены в концепциях и институтах «исторической политики» условного Запада (ЕС и США).

В 2008 году (как следует из признания МИД Польши, по инициативе Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Венгрии) Европейский парламент ЕС предложил отмечать 23 августа, в годовщину подписания договора о ненападении между Германией и СССР («пакта Молотова и Риббентропа»), День памяти жертв тоталитарных режимов¹⁴, то есть нацизма и коммунизма. Ясно, что ЕС тем самым вывел из сферы солидарной ответственности за экспансию нацистской Германии в Европе Великобританию и Францию как участников их Мюнхенского соглашения («Мюнхенского сговора») от 30 сентября 1938 года с Германией и Италией о разделе Чехословакии (а также ставших участниками раздела Польшу и затем Венгрию) или, например, договор 1934 года между Польшей Пилсудского и Германией Гитлера. Таким образом, коммунистический СССР, бывший в 1941-1945 гг. союзником США, Великобритании и Франции в борьбе против гитлеровской Германии (включая Австрию) и союзных ей Италии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Финляндии, Испании, Словакии, Хорватии, дружественно нейтральных Португалии, Швейцарии, Швеции, был приравнен к самой гитлеровской Германии. Ясно также, что, кроме СССР, к числу тоталитарных режимов, исходя из этого решения, в ЕС отнесли также власти всех коммунистических стран, но не относят многочисленные националистические, авторитарные режимы и союзные Гитлеру и коллаборационистские правительства Италии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Финляндии, Испании, Словакии, Словении, Хорватии, Португалии, Литвы, Латвии, Эстонии и др., в отношении которых власти и уважаемые политики нынешних стран-членов ЕС подчёркивают свою историческую и политическую преемственность.

В ноябре 2008 г. в Чехии была создана Постоянная рабочая группа по «Платформе европейской памяти и совести». Инициатива была утверждена Европейским парламентом в апреле 2009 г. - в целях поддержки сети национальных учреждений, специализирующихся на исследованиях истории тоталитаризма, создания европейского центра документации и мемориала жертв тоталитарных режимов. Решением Еврокомиссии в декабре 2010 г. создание «Платформы» было объявлено важной европейской инициативой. Первым проектом организации должна стать подготовка и издание совместного учебника по истории тоталитаризма в Европе. 14 октября 2011 в Праге во время встречи премьер-министров стран Вышеградской группы (Венгрии, Польши, Словакии, Чехии) «Платформа европейской памяти и совести» была создана. Её учредили специализированные институты, прямо предназначенные для формулирования и осуществления «исторической политики»¹⁵, служащей экспертным фундаментом для

Сантамария, С. Булук. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии [1997] / Пер. под ред. Е.Л.Храмова. М., 1999. С.34, 47.

¹³ Там же. С.60.

¹⁴ Впервые в странах ЕС День памяти жертв тоталитаризма был отмечен 23 августа 2011 года.

¹⁵ Центр Ханны Арендт (Болгария), Институт изучения тоталитарных режимов, Архив служб безопасности (Чехия), Эстонский институт исторической памяти, Фонд Унитас (Эстония), Федеральный специальный уполномоченный по актам государственной Службы безопасности бывшего ГДР, Берлинский Хохеншонхаузен мемориал, Общество

внешнеполитических действий. Примечательно, что уже здесь и далее инфраструктура «исторической политики» в деле мемориализации жертв тоталитаризма абсолютно исключила национальные и международные организации, специализирующиеся на мемориализации жертв Холокоста и коллаборационизма, то есть фактически вывела из-под ответственности националистических союзников Гитлера в Европе.

23 августа 2011 года в Варшаве, в музее Варшавского восстания, министры юстиции стран ЕС впервые отметили Европейский день памяти жертв тоталитарных режимов. Среди прибывших в Варшаву с этой целью были заместители премьер-министров Латвии и Венгрии, министры юстиции Литвы, Эстонии, Хорватии, Румынии, Чехии, Испании, Швеции, Словакии и Мальты. Они приняли «Варшавскую декларацию», по своему замыслу должную стать – в соответствии с местом её принятия и особым опытом Польши в создании научно-карательной версии «исторической политики» - общеевропейской программой внешнеполитической институционализации и инструментализации того, что прежде было во внутривнутриполитической сфере. В декларации, в частности, вновь утверждалось равенство коммунизма и национал-социализма и априори выдавалась индульгенция «демократии» в целом, то есть тем колониальным, авторитарным и коллаборационистским режимам, что до сего времени держат прежние результаты своей «биополитики» не то чтобы в тени, но явно не в центре внимания «исторической политики» ЕС, и продолжают эту «биополитику» в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии:

«тоталитарные режимы **ответственны за большинство** позорных актов геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений... [поэтому только] преступления тоталитарных режимов в Европе, независимо от их рода и идеологии должны быть признаны и осуждены».

То есть, если решение Европарламента об учреждении Дня памяти жертв тоталитаризма ещё содержало в себе глухие оговорки о том, что кроме тоталитарных режимов накануне Второй мировой войны существовали неназванные авторитарные режимы, под которые ценой дополнительных разъяснений можно вполне законно подвести режимы 1920-1930-х гг. в Латвии, Литве, Эстонии, Венгрии, Италии, Румынии, Польше, Болгарии, 1930-1970-х в Испании и Португалии, практика которых тоже должна быть осуждена и жертвы которых помянуты, то теперь – видимо, ради солидарности бенефициаров в ЕС – эти оговорки были ликвидированы.

Из новой формулы следует, что союзники Гитлера в Латвии, Литве, Эстонии, Венгрии, Италии, Румынии, ответственные за геноцид и прочие преступления, и уж тем более - союзники Гитлера во главе Финляндии, Испании, Португалии, Франции, и уже тем более - демократические власти Англии, Франции, США, до определённого момента прямо поддерживавшие Гитлера в его агрессии на Восток, в сторону СССР, не подпадают под действие декларации и справедливости ЕС. Громко прозвучало и умолчание в декларации о жестоких этнических чистках, проведённых, например, против немцев и венгров демократическими властями Чехословакии в 1945 г. или демократическими властями Хорватии против сербов Сербской Краины в 1995 году.

Декларация также впервые ввела в сферу имплементации «исторической политики» ЕС страны бывшего СССР, охваченные специальным форматом «нового соседства»,

Ханны Арндт (Германия), Общественный фонд исследования Центральной и Восточно-европейской истории и общества, Музей Дома террора (Венгрия), Ассоциация музея оккупации (Латвия), Международная комиссия для оценки преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве, Литовский центр исследования геноцида и сопротивления (Литва), Фонд истории тоталитарных режимов и их жертв (Нидерланды), Институт национальной памяти, Музей Варшавского восстания (Польша), Институт исследования коммунистических преступлений и памяти о румынском изгнании (Румыния), Фонд Яна Лангоса (Словакия), Центр исследования национального согласия (Словения), Институт информации по преступлениям коммунизма (Швеция).

А

подразумевающим введение стандартов ЕС без предоставления этим странам членства и, следовательно, полноты прав в рамках ЕС, и призвала «поддерживать деятельность неправительственных организаций, в том числе организаций из стран, охваченных Восточным Партнерством, которые активно вовлекаются в изучение и сбор документации, связанной с преступлениями, осуществленными тоталитарными режимами, а также в распространение исторических знаний». Это значит, что в идеологических требованиях ЕС к Белоруссии, Украине, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджану будет содержаться осуждение режимов, априори «ответственных за большинство» преступлений, но в стороне будут оставлены массовые преступления гитлеровских коллаборационистов – в том числе из этих стран.

Единственным значимым ответом России на такого рода «антитоталитарный» ревизионизм в ЕС стала совместная российско-израильская декларация президента Израиля Шимона Переса и президента России Дмитрия Медведева, оглашенная в августе 2009 года:

«Еврейский и русский народы сражались на одной стороне во время Второй мировой войны, были вместе в борьбе против гитлеризма и расизма. Сотни тысяч евреев бок о бок с русскими и представителями других народов Советского Союза сражались в рядах Красной Армии, которая освобождала концентрационные лагеря и лагеря смерти, сыграла жизненно важную и ключевую роль в исходе войны против нацистской Германии. Многие из этих героев Красной Армии сейчас живут в России, Израиле, других государствах. Мы чтим их мужество и решимость. Никакая попытка ревизии истории не способна принизить или затушевать эти явные факты. Попытки отрицания Холокоста являются прямым оскорблением памяти всех жертв Второй мировой войны и тех, кто боролся против фашизма, попытки принизить трагедию Холокоста и вычеркнуть его из истории, а также умолчать о гибели и страданиях миллионов невинных жертв разных национальностей».

Но этот ответ остался в тени даже в действиях российской дипломатии и усилиях официальной информации и (наряду с открытием в июне 2012 года в Израиле памятника воинам Красной Армии, павшим в борьбе с нацистами) стал не более чем проходным эпизодом двусторонних отношений, не применённым к растущему давлению евроатлантической «исторической политики» на Россию и её ближнее зарубежье.

Новые, иные, многосторонние международные и внутривластные усилия государственной власти России в этой сфере, которые можно было бы назвать предпосылками к формированию «исторической политики», ограничились рядом неудачных попыток создать институциональный и правовой фундамент под, по крайней мере, оборонительной или карательной практикой в отношении реабилитации нацизма.

В первую очередь именно этому должна была быть посвящена деятельность Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, созданной указом президента Дмитрия Медведева весной 2009 года. Но она даже не ставила перед собой задач формулирования принципов «исторической политики» и, не продемонстрировав ярких результатов работы была фактически упразднена весной 2012 года. Фактическим продолжением её неяркого существования стали проекты Русского исторического общества и Русского военно-исторического общества, возглавленных высшими чиновниками, но сосредоточенных на протокольных мероприятиях и подготовке к празднованию круглых юбилейных дат.

Подготовленный той же весной 2009 года в Государственной Думе России проект федерального закона «О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их

пособников», детально описывавший структуру и санкции против исторического ревизионизма¹⁶, был отвергнут представителями парламентского большинства.

Тем временем внешняя квалифицированная «историческая политика» грубо заставляла российскую дипломатию капитулировать.

Подготовленный в 2010 году по итогам работы официальной польско-российской группы по сложным вопросам совместный труд оказался полностью историческим, соединившим усилия самых авторитетных историков России и Польши – исследователей двусторонних отношений¹⁷. Но поскольку определение общей конструкции и пропорции тематических блоков в этом труде находилось в сфере ответственности политических представителей сторон¹⁸, итоговый текст примирительного труда на 90% соответствовал требованиям Польши, а именно подтверждению польских претензий к России и польских же умолчаний: вновь акцентировав уже выясненный вопрос о Катыни, трудно переводимый на современный русский политический язык, но рифмующийся с усилиями современной Прибалтики, вопрос о «советской оккупации» Польши и др., он практически проигнорировал традиционно игнорируемый в Польше вопрос о массовых жертвах советских военнопленных в Польше в 1920-1921 гг., когда в результате жесткого обращения и военных преступлений в концлагерях погибли десятки тысяч солдат. И, несмотря ни на какие риторические упоминания этой проблемы в речах высших должностных лиц России, практический «компромисс» польско-российской группы грубо отверг исторический смысл этих упоминаний, продемонстрировав профессиональную непригодность официальной «исторической политики» России.

Проведённый российской общественностью весной 2012 года успешный сбор более 10.000 подписей под обращением к президенту Владимиру Путину и премьеру Дмитрию Медведеву об учреждении в России «Дня памяти жертв нацизма и коллаборационизма» вновь пытался актуализировать проблематику борьбы против «исторической политики» постсоветских и посткоммунистических государств, подвергающих националистической (антикоммунистической) ревизии роль гитлеровских коллаборационистов¹⁹. Именно в

¹⁶ В частности, законопроект прямо сообщал источник угрозы ревизионизма («Меры по противодействию реабилитации нацизма, нацистских преступников и их пособников обусловлены фактами такой реабилитации на территории ряда государств - бывших республик Союза ССР») и давал юридическое определение коллаборациониста (пособника): «Пособник нацизма - лицо, добровольно или в результате мобилизации поступившее на службу в любые органы, организации, институты национал - социалистического режима Германии или сотрудничавшие с оккупационной администрацией на территории СССР в границах по положению на 22 июня 1941 года» (www.iarex.ru/articles/36356.html).

¹⁷ Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. Отв. ред. А.В. Мальгин, М.М. Наринский. М., 2010.

¹⁸ Неслучайно Россия проигнорировала тот факт, что - по замыслу сторон, обязанный быть миротворцем - сопредседатель группы, экс-глава МИД Польши Адам Ротфельд в июле 2009 года стал одним из тех восточно-европейских политиков, кто подписал официально составленное в самом Вашингтоне обращение к президенту США Барак Обама, где призвали его к жёсткой линии в отношении России. Другими участниками этой декларации стали известные своей крайне отрицательным отношением к России экс-президент Литвы Валдас Адамкус, экс-президент Чехии Вацлав Гавел, экс-президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, экс-президент Польши Лех Валенса, экс-премьер-министр Эстонии Март Лаар.

¹⁹ В качестве даты для Дня памяти жертв фашизма и коллаборационизма были предложены: 30 сентября (1938) – «Мюнхенский сговор» - соглашение Великобритании, Франции, Германии и Италии о расчленении Чехословакии; 30 октября (1940) -

А

этом был смысл инициативы, дополнительной к существующему траурному «Дню памяти» в день начала Великой Отечественной войны 22 июня. Но государство, придав инициативе консультативный характер, фактически отвергло её, не воспользовавшись ею для формулирования задач собственной «исторической политики».

Весной 2013 года в Государственной Думе была предпринята новая попытка актуализировать проект закона против реабилитации нацизма, но и она не встретила поддержки.

Всё это говорит о том, что в деле поддержания «генетического консенсуса» вокруг Дня Победы 9 мая государство осталось ритуальным благоприобретателем и отказалось от инструментализации в современной «исторической политики» опыта СССР в такой его внутри- и внешнеполитически наиболее нейтральной сфере, как победа антигитлеровской коалиции.

Сталин и десталинизация: «гражданская война» и новый «Нюрнбергский процесс» от имени ФСБ

Метания и мучения российской власти в области «исторической политики» или, вернее, на подходах к ней хотя бы в интересах внешнеполитической конкуренции, на первый взгляд, удивительны, если вспомнить: в *какой* стране, сменившей *какие* режимы, приходится действовать нынешней власти.

Почти вся история России XX века – есть история последовательных государственных идеологий, в большинстве случаев доходящих до систем идеократий, идеологической цензуры и идейных кампаний: от известной «репрессивной дискуссии» Ленина с недостаточно лояльной интеллигенцией, закончившейся в 1922 году высылкой её лидеров из России, многоэтапного строительства идейной диктатуры Сталина, до волн «десталинизаций» - «оттепели» Хрущёва и «перестройки» Горбачёва.

Для нового, ныне правящего в России политического поколения 1980-1990-х годов самым главным историко-политическим опытом был опыт «либерального коммунизма», «подлинного ленинизма», «шестидесятников» (номенклатурных реформаторов конца 1950-х – начала 1960-х гг.), целиком выросших из двух крупнейших советских «исторических политик», каковыми стали «Краткий курс истории ВКП (б)» Сталина (1938) и доклад Хрущёва XX съезду КПСС «О культе личности и его последствиях» (1956), развитый в ходе работы XXII съезда КПСС (1961). Для советских шестидесятников преодоление сталинского коммунизма реализовывалось вокруг самой фигуры Сталина и его ближайшего окружения, в примитивной схеме преодоления персонализированного зла, без личного и общественного самоанализа и разделения ответственности. Это оставило простор для формирования в 1960-1970-е гг. новой политической легитимности советских властей, центральный, союзный аппарат которых выбирал для своих практических нужд в целом технократическое государственничество, идеологические санкции которого были со значительной долей фальши упакованы в риторiku коммунистического «маньеризма». А республиканский аппарат всё более склонялся в сторону этнографического национал-коммунизма, для которого эксплуатация национального мифа становилась всё более удобной санкцией для административного торга с центральной властью. Это стало основой для националистического перерождения властного советского интернационализма в национал-коммунизм, «административный национализм» которого открыл дорогу для полновесной этнократии и независимой

обращение национального героя Франции маршала Петена к нации с призывом к сотрудничеству (collaboration) с гитлеровскими оккупантами; 2 июля (1941) - Львовский погром - массовое истребление еврейского населения и польской интеллигенции нацистами и их западноукраинскими пособниками (<http://regnum.ru/petition/>).

национальной государственности в большинстве союзных республик СССР и с запозданием породил подобные же настроения на территории РСФСР.

Начатая Горбачёвым новая кампания «возвращения к Ленину» как «десталинизации» (1987-1991), широко эксплуатируя миф об априорной позитивности почти любых жертв сталинизма, создала презумпцию того, что любой противник сталинской государственности был «хорош» и «невинен», что эта государственность не была даже отчасти нейтральной, не была собственно государственностью, но лишь заслуживающим смерти исчадием сталинизма. Измученные бесконечностью идеологических кампаний, позднесоветские историки ни о чём не мечтали больше, как о полной, рафинированной свободе исследования от партийной или даже антипартийной цензуры. Но оказалось, что в условиях политического и социально-экономического хаоса конца 1980-х – 1990-х гг. платёжеспособного государственного, общественного, коммерческого и корпоративно-благотворительного спроса на свободное историческое исследование просто не существует. И у большинства тех, кто выбрал актуальную, общественно значимую историческую науку как официальную профессию, а не как частное призвание, уже не было иного выбора, как согласиться с партийным диктатом своих институций или теми методическими, тематическими и, в конце концов, политическими рамками, которые устанавливали в основном зарубежные грантодатели.

В 1989 году было создано либеральное, политически радикально-оппозиционное историко-просветительское и активно правозащитное общество «Мемориал», которое в России до сих пор остаётся главным центром и мощнейшим инструментом систематической «исторической политики», соединяющим практическую, качественную научную историческую работу по истории сталинских репрессий с политически крайне ангажированной борьбой против сталинизма и советской государственности и того, что представляется ему их политическим продолжением.

Развиваясь в логике осуждения «непоследовательности» Хрущёва и Горбачёва в преодолении коммунизма как сталинизма, видя задачу в мемориализации жертв коммунистических репрессий, первый президент России Борис Ельцин в 1992 году построил суть своей «исторической политики» на признании и запрете коммунистической партии как преступной организации одновременно с радикальным рассекречиванием архивов, после которого, как предполагалось, произойдёт естественное самоочищение общества. Но «архивная революция», свершившаяся в России после указа Ельцина о рассекречивании архивов о политических репрессиях²⁰, фактически затронув всю историю СССР, на деле заставила резко снизить доказанные данные о масштабе репрессий и поставила перед государством новые задачи, решать которые оно даже не предполагало. «Архивная революция» стала научной, источниковедческой революцией в изучении истории СССР, введя в научный оборот десятки тысяч томов новых документов, породив сотни томов новых исследований. Этот крупнейший переворот в области исторического источниковедения фактически похоронил как фактографически значимую всю предыдущую западную историографию СССР, заставив её квалифицированных представителей буквально поселиться в российских архивах и породив в бывшей западной «советологии» мощное критическое направление, в опоре на исследование сложной социально-экономической реальности СССР отвергнувшее агитационно-идеологическую концепцию «тоталитаризма». Но, как следует хотя бы из особой политической судьбы «Чёрной книги коммунизма», не сложная наука была востребована на развалинах «советологии», а предельно простая «историческая политика». Такой же простой государственной «исторической политики» в России даже не предполагалось.

²⁰ Указ президента РСФСР №658 от 23 июня 1992 года «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека».

Даже празднование Дня Победы в течение ряда лет было политически и символически парализовано наряду, например, со значительной задержкой в создании собственной наградной системы (в 1992 в целом лишь уточнившей советские награды и только в 1994 дополненной полной гаммой новых наград). Лишь 1995 год – год 50-летия Победы был замечен обществом как год возвращения основ общенационального единства²¹ в области истории и был, кстати, отмечен первой российской юбилейной наградой.

С тех пор общество было фактически наедине с проблемами своей исторической идентичности, превратив её в поле противоборства не только общественных сил, но и сил внешних. Например, вплоть до конца 1990-х гг. в такой фундаментальной для любого общества системе воспроизводства массового исторического знания, как школьные учебники истории, бурно развивались линии «альтернативных» и дополнительных учебников, которые нередко заменяли советскую идеологическую схему примитивно антикоммунистической, выводившей «зло коммунизма» из специфики исторического наследия России, включая православие, обширность территории, коллективизм, якобы отсутствие института частной собственности и т.д.. При этом в России было хорошо известно, насколько быстро и радикально изменились школьные учебники истории в бывших республиках СССР, подчинённые новым государственным идеологиям, в которых главные акценты стояли на, как минимум, многосотлетней древности и примордиализме (первородстве) титульных национальностей новых государств, конфликтной истории страданий и борьбы этих народов сначала против русского империализма и колониализма, а потом против их полноценного наследника в лице СССР, а также о злом умысле центральных властей по снижению доли титульной нации в республике и их колонизации пришельцами, особенно русскими²². Всё зло своей истории эти учебники выводили из России – и в этом их шовинистический национализм отлично рифмовался с западным «интернационализмом» в России.

Мощным импульсом к государственной и общественной самоорганизации в области «политики памяти» в России стала «оранжевая революция» на Украине в конце 2004 года, приведшая к власти Виктора Ющенко, сразу заявившего о себе как о лидере крайнего украинского национализма, идейном наследнике известным сотрудничеством с гитлеровскими оккупантами украинских шовинистических и профашистских военно-политических организаций ОУН-УПА. Дыхание холодной гражданской войны, в которой на Украине сторонники многонациональности, интернационализма и особенно русской культуры и языка (публично названного в декларации интеллектуальных сторонников Ющенко «языком блатняка и попсы», то есть языком уголовников и примитивных шоу), проиграли и оказались в глухой обороне²³, заставило власти России взяться за «историческую политику».

²¹ Об см. в книге интервью с интеллектуалами разных поколений, не связанных с властью: М. Колеров. Новый режим. М., 2000.

²² См. об современных событиях издания Г.А.Бордюгова: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Предисл. Ф. Бомсдорфа. М., 1999; Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2003; Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисл. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. М., 2003.

²³ Созданный ещё в СССР популярный иллюстрированный исторический журнал «Родина» (с 1989, ныне его учредителями выступают администрация президента и правительство России) все 1990-е годы боролся за элементарное выживание, а в 2000-е под руководством Ю.А.Борисёнка – за утверждение его в качестве уважаемого научного издания. Сейчас он зачастую в одиночестве представляет консенсуальное, должное служить основой для общенационального, мнение профессионального

В 2005 году было создано издательство политической литературы «Европа», которое до конца 2007 года издало более двух десятков томов оригинальной научной и документальной исторической и политической литературы по следующим направлениям: Украина²⁴, Кавказ²⁵, Прибалтика²⁶, проблемы империи и меньшинств²⁷. Всё вместе - впервые в систематической целостности в таком объёме в современной русской литературе - это призвано было продемонстрировать историческую и актуальную сложность постсоветского пространства, одинаково противоречащую этнократиям и национализму, а также преступный характер националистического гитлеровского коллаборационизма. Примечательно, что многие издания такого рода встретили хороший спрос, а «Атлас этнополитической истории Кавказа» Артура Цуциева, детально демонстрирующий этническую и территориальную сложность Северного Кавказа и Закавказья, был дополнительно переиздан дважды, достигнут феноменального для этой литературы тиража в 4.000 экземпляров²⁸. Это демонстрировало тот, в общем,

сообщества российских историков по центральным вопросам «исторической политики», иной раз полемизируя с альтернативными, партийными версиями «исторической политики». Но, несмотря на государственный статус журнала, его идейная линия остаётся делом, прежде всего, собственной, общественной инициативы редакции, а не государственной культурной политики.

²⁴ Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / Предисловие и подготовка текста О.Я.Сапожникова и И.Ю. Сапожниковой. М., 2006; Федерализация Украины: единство нации или распад государства? Сборник / Сост. Сергей Андреев. М., 2006; Елена Борисёнок. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006; Андрей Пушкаш. Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918-1945. М., 2006; Ирина Михутина. Украинский Брестский мир. М., 2006.

²⁵ Карабахский конфликт: азербайджанский взгляд. Сборник. М., 2006; Илья Заславский. Дело труба. Баку – Тбилиси – Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. М., 2005; Инга Кочиева, Алексей Маргиев. Грузия. Этнические чистки в отношении осетин / Предисловие А.Ч. Касаева. М., 2005; Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006; Марк Блиев. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006; Халаддин Ибрагимли. Азербайджанцы Грузии: историко-этнографический и социально-политический комментарий. М., 2006; Михаил Алексеев, Константин Казенин, Мамед Сулейманов. Дагестанские народы Азербайджана: политика, история, культура. М., 2006; Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992. Сборник / Сост. К.И. Казенин. М., 2007; Михаил Волхонский, Вадим Муханов. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007.

²⁶ Ю.В. Алексеев, А.Г. Манаков. Народ сету: между Россией и Эстонией. М., 2005; Вадим Полешук. Неграждане в Эстонии. М., 2005; Андрей Петренко. Прибалтика против фашизма. Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне / Предисловие М.В. Демурина. М., 2005; Леонид Григорьев. Экономические перспективы Восточной Балтики: конкуренция и сотрудничество. М., 2005; Латвия под игмом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006; Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006; Эстония: кровавый след нацизма. 1941–1944. Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006 (три последние книги также в переводе на английский язык).

²⁷ Россия и «санитарный кордон». Сборник. М., 2005; Восстание меньшинств. Сборник. М., 2006; Олег Айрапетов. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006; Сербия о себе. Сборник / Сост. Мирослав Йованович. М., 2005.

²⁸ М.А.Колеров. [Рец.:] Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006 // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том V. М., 2008. С.389.

неожиданный факт, что, помимо агитации, в обществе крайне востребовано осознание себя и соседей в их естественной полихромной гамме, а не в монохромной «исторической политике» европейского образца. Этот образец обрекал Россию на колониальную этнографию, вынуждая конкурировать на внешнем рынке по правилам внешней метрополии, в то время как традиционная универсальность российской/советской историографии отводила ей место среди, прямо скажем, избранного круга мировых историографий (немецкой, французской, британской, американской), способных оригинально исследовать почти весь спектр мировой истории в её мировой географии.

С 2006 года издание исследовательской и политической части постимперского ассортимента было дополнено и продолжено информационным агентством REGNUM, сделавшим акцент на сравнительном качественном анализе постсоветских государств²⁹, экономической и политической современности стран Закавказья³⁰, борьбе новейших государств за независимость³¹, прямых откликах на акты «исторической политики» Украины и стран Прибалтики³². Этот общественный проект исследовательской презентации исторической и иной сложности того европейского ландшафта, где сегодня реализуются проекты раздробления и «упрощения», ныне также можно считать завершённым. Его изолированные параллели и продолжения научного характера уже не носят систематического характера³³.

С 2008 года начал свою работу фонд «Историческая память» Александра Дюкова³⁴, который специализируется на новых архивных публикациях о преступной истории гитлеровских оккупантов и их союзников, коллаборационистских националистических формирований на Украине, в Молдавии и Прибалтике, истории сопротивления жителей СССР нацистской оккупации, исследованиях массовых перемещений населения и

²⁹ Л.М.Григорьев, М.Р.Салихов. ГУАМ – пятнадцать лет спустя: Сдвиги в экономике Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии, 1991-2006. М., 2007; А.С.Геворкян. Три страны – три мифа: Социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины (опыт социологического анализа). М., 2008.

³⁰ А.Егиазарян. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995-2006). М., 2007; А.Егиазарян. Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая внешнеэкономическая экспансия (1994-2007). М., 2007; Зафар Гулиев. Азербайджан после Гейдара Алиева. М., 2011.

³¹ Белая книга Приднестровской Молдавской Республики / Владислав Шурыгин, Денис Тукмаков, Юрий Нерсесов, Василий Проханов. М., 2006; Западная Сахара: преданная независимость. Сборник исследований и документов по современной истории Сахарской Арабской Демократической Республики / Сост. Е.Висенс. М., 2007; Испания – Каталония: империя и реальность. Сборник статей / Сост. Е.Висенс. М., 2007; Фуад Гаджиев. Независимость де-факто: Турецкая Республика Северного Кипра. М., 2008.

³² Александр Дюков. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение "еврейского вопроса". М., 2008; Александр Дюков. The Soviet Story: Механизм лжи. М., 2008; а также: Александр Дюков. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940-1953). М., 2007, и другие в издании Алексея Яковлева.

³³ Кирилл Шевченко. Русины и Чехословакия: 1919-1939. К истории этнической инженерии. М., 2006; В. Б. Каширин. Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010; К.В.Шевченко. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины (XIX – 1 пол. XX вв.). М., 2011; А.В. Марчуков. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М., 2011; Яцек Вильчур. На небо сразу не попасть. Львов, 1941-1943. Авторизованный перевод. М., 2013.

³⁴ См.: www.historyfoundation.ru/

установления границ периода Второй мировой войны, анализе «исторической политики»³⁵ и современной этнократии в Прибалтике, организации документальных выставок и научных конференций, издании «Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований» (с 2010). При всей обширности работ этого фонда, надо признать, что его стержнем остаётся исследовательский и общественный энтузиазм его работников, самостоятельно не только определяющих содержательную политику фонда, но и несущих правовые издержки своей работы (сотрудники фонда объявлены персонами *non grata* в Латвии).

Одновременно в последние годы, наряду с деятельностью общества «Мемориал», тесно интегрированного с сообществом «правящих либералов», прежде всего, в Совете по правам человека при президенте России, правительстве, государственных средствах массовой информации, тесно сотрудничающего с Центральным архивом ФСБ, разворачивает свою работу в области «исторической политики» известное и, возможно, лучшее сегодня российское издательство гуманитарной литературы «Новое литературное обозрение» («НЛО») лауреата Государственной премии России в области литературы и искусства Ирины Прохоровой. В 2011-2013 гг. оно самоопределилось в качестве политически ангажированного, а именно в качестве инструмента культурной политики оппозиционной либеральной партии миллиардера Михаила Прохорова. Стартом «исторической политики» издательства, то есть первым актом проведения определённого внеисторического (или не только исторического) взгляда на прошлое, «идеологического нарратива», можно считать публикацию серии коллективных исследований «окраин» Российской империи³⁶. Здесь я могу позволить себе личное свидетельство: в 2005-2006 гг. ко мне обратился составитель серии с предложением поддержать её издание. Сразу же обнаружилось принципиальное разногласие: непонятное и неприемлемое для меня именование Сибири «окраиной» именно Российской империи, несмотря на начало присоединения её к России ещё до создания империи, звучащее как санкция к рассмотрению её в качестве такой же потенциально суверенизирующейся территории, как и сопутствующие ей в серии Северный Кавказ, западные окраины и Бессарабия, оказалось принципиальным для составителя и не подлежащим обсуждению. Последующее издание этой серии в «НЛО» именно в рамках указанного нарратива логично обнаружило принципиально антиэтатистский (в отношении России) взгляд издательства на вопросы «исторической политики», несмотря на хорошо известный издателям, например, территориальный этатизм всех либеральных держав мира, на традиции которых они ориентируются.

Далее последовали издания «НЛО», где квалифицированному анализу современного международного опыта «исторической политики»³⁷ сопутствует пропагандистский очерк того, как партийный критик представляет себе «злодеяния» российской власти в области контроля над сознанием граждан, но совершенно не способен внятно описать ни «архивной революции» 1990-х годов, ни центральной роли в научно-общественной мемориализации жертв коммунистических репрессий общества «Мемориал» и его многолетнего сотрудничества со «злодейским» ФСБ, то есть ничего из того, что

³⁵ См., например, подготовленное фондом первое в интернациональной литературе исследование такого рода по Латвии: Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М., 2011.

³⁶ Западные окраины Российской империи / Сост. М.Долбилов, А.Миллер. М., 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи / Сост. В. Бобровников, И. Бабич. М., 2007; Сибирь в составе Российской империи / Сост. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007; А.Кушко, В.Таки при участии О.Грома. Бессарабия в составе Российской империи (1812—1917). М., 2012.

³⁷ Историческая политика в XXI веке: Сборник статей / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012.

А

составляет абсолютно преобладающий поток «исторической политики» сегодня в России³⁸.

Тем временем в феврале 2011 года члены Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте России Д.А.Медведеве во главе с Михаилом Федотовым представили (в значительной части написанную сотрудниками общества «Мемориал») «общенациональную государственно-общественную программу» «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», самими авторами, называемую не программой «примирения», а программой «детоталитаризации» или «десталинизации». Программа была поддержана президентом и стала официальной программой «исторической политики», реализации которой помешало лишь то, что вскоре стало ясно, что с 2012 года Медведев не станет президентом России на второй срок. Что же принципиально важного в этой программе государственной «десталинизации»?

Нынешнее состояние общества в области исторической памяти, то есть, в первую очередь, общенациональный консенсус вокруг 9 мая, эта программа считает «продолжающейся гражданской войной» и прямо метит в национальный миф о войне, далее чего намерена «модернизировать сознание». Она не скрывает тотальных идеократических претензий властвующей либеральной элиты: «с принятием данной программы антитоталитаризм становится частью официальной политики России», а «полное признание российской катастрофы XX века, жертв и последствий тоталитарного режима, правившего на территории СССР» (включая «геноцид, разрушение веры и морали») нужно, согласно программе, в первую очередь, почему-то для «преодоления взаимного отчуждения народа и элиты» (которые, получается, и ведут между собой гражданскую войну – не вокруг реальности капитализма, а вокруг прошлого сталинизма), а также для того, чтобы «повысить морально-политический авторитет нынешнего руководства страны» (т.е. на тот момент Медведева).

Заявляя, что «вся Европа виновна... в двух мировых войнах», то есть и СССР в равной степени, - президентский совет намерен обрести международное измерение «десталинизации» в полном соответствии с тогда ещё не утверждённой, но уже подготовленной в ЕС «Платформой европейской памяти и совести»: «Необходимо заключить многосторонние межгосударственные соглашения со странами СНГ и Балтии и, возможно, с бывшими соцстранами об их участии в работе по созданию ЕБД (единой базы данных) «Жертвы тоталитарного режима в СССР и в странах бывшего соцлагеря»...» Во внутривластной части программа освобождает себя даже от видимости общественно-политической ответственности, авантюристически утверждая: «Возможные издержки от осуществления этой программы можно с лихвой компенсировать обращением к лучшему...». Но говоря о том, что сама считает «лучшим», т.е. ради чего претендует на тотальную трансформацию общенационального консенсуса, программа явно путается и скользит, определяя нормативные символы добра, - с одной стороны, перечисляет монархические мемориалы, *уже* существующие перед её глазами со времени школьных учебников, а с другой – апеллирует к отвергаемому ею сталинскому ряду персонажей: «Российская идентичность должна, наконец, основываться на том, что... мы страна и народ... Жукова, Королева, Сахарова, наконец, Екатерины II, Александра II...». Тем не менее, даже не имея выстроенного позитивного нарратива и фокусируясь лишь на самоценности управляемой массовой ментальной «трансформации», авторы программы уже сейчас фиксируют именно за собой аутентичное знание того, что такое осуждаемые «мифологемы» и какие должны быть «отчётливые оценки»: они ставят задачу «создать современные курсы отечественной истории для средней школы, свободные от старых и новых мифологем... сочетающие... изложения с отчетливой нравственной, правовой, гражданской и политической оценкой событий». Ясно, что за такой программой стоит

³⁸ Николай Копосов. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.

исторически смутный, но в негативном измерении политически внятный, «идеологический нарратив» и для его реализации программой подразумевается высшее, то есть максимально административное, президентское «политическое решение».

Точное такое же либеральное «политическое решение», но уже – в соответствии со стандартом польской «исторической политики» - в карательной сфере, подразумевается и в создании системы внутрибюрократической инквизиции, в отличие от системы люстрации, свободной даже от процессуального расследования. Программа формулирует и претендует создать поистине невообразимую, более чем сталинскую, сферу «*антисталинского*» тотального контроля и ревизии. В ней говорится: «Наиболее адекватным представляется путь судебной оценки, при котором **каждый нормативно-правовой акт, изданный в условиях тоталитарного режима**, может быть обжалован любым заинтересованным лицом... с целью признания его недействующим полностью или частично со дня его принятия или иного указанного судом времени. В свою очередь, решение суда о признании нормативного правового акта недействующим влечет за собой утрату силы не только этого нормативного правового акта, но и других, основанных на нем нормативных правовых актов... [Необходимо] принять официальное постановление о том, что публичные выступления государственных служащих любого ранга, содержащие отрицание или оправдание преступлений тоталитарного режима, несовместимы с пребыванием на государственной службе»

Таким образом, президентская программа либеральной и анти тоталитарной «десталинизации» возложила на СССР равную вину за начало Второй мировой войны и геноцид, что принципиально совпадает с требованиями, сформулированными в ЕС в отношении России. А для современной России, так и не определив временные рамки своего «тоталитаризма» (вероятно, с 1917 по 1991 гг.), программа предписала **тотальную** ревизию каждого (то есть всех) нормативного акта времени СССР, на что не пошли даже самые последовательные сторонники теории «советской оккупации» в Прибалтике, исповедуя «избирательное правопреемство»³⁹ (и не затрагивая нормативные акты, например, регулирование актов гражданского состояния, собственности, образования, технические стандарты и пр.), **тотальный идейный контроль** над всеми чиновниками, внедрение «политических оценок» («политических решений»!) в систему преподавания истории.

Заслуживает особого внимания и политический смысл выступления деятельно дружественного обществу «Мемориал» начальника Центрального архива ФСБ РФ Василия Христофорова, появившегося уже после ухода с поста президента России Дмитрия Медведева. Высшее лицо ФСБ в области «исторической политики» в, несомненно, контролируемом и официальном интервью ответил на вопросы-декларации так:

«[Вопрос:] Центральный архив ФСБ России и архивные подразделения управлений ФСБ в регионах в течение многих лет совместно с обществом «Мемориал» участвуют в подготовке Книг памяти, других исследовательских проектах, связанных с публикацией документов по истории сталинизма и имен жертв политических репрессий...»

[Ответ:] ...О какой десталинизации можно говорить, если Сталин не признан преступником де-юре? Применительно к деяниям сталинского режима часто употребляют термин «преступление», но они юридически так не квалифицированы.

³⁹ Об этом подходе см.: Н.М.Межевич, А.М.Грозовский. Политическая история Эстонии 1987–1992 гг. как предпосылка формирования современной внешней и внутренней политики страны // Русский Сборник. Русский Сборник: исследования по истории России. Том XIII. М., 2012. С.335.

Когда мы говорим о денацификации, то опираемся на вердикт Нюрнбергского трибунала. В случае со сталинизмом у нас нет к этому правовых оснований»⁴⁰.

Это заявление даёт основание заключить, что - в то время как большая часть самодеятельных усилий российского общества по сохранению идентичности и системы традиционных государственных мифов и символов, в противоборстве с эшелонированной, юридически и политически обязывающей политикой США и ЕС, практически не получает поддержки властей России, - высшую государственную и специальную ведомственную поддержку получает новая программа «десталинизации», согласуемая с усилиями в области официальной «исторической политики», как минимум, ЕС, а в настоящий момент она достраивается до формулирования необходимости «Нюрнбергского процесса» над Сталиным и коммунизмом.

Как же всё это описывают новые протагонисты либеральной «исторической политики», с партийной точки зрения примыкающие к принципиальной государственной «десталинизации» от «Мемориала» и ФСБ?

Основанный издательством «НЛО» «Клуб гуманитарных диспутов» выступил в апреле 2013 г. с многозначительной декларацией «Историческая политика в XXI веке: российский и европейский опыт» (её автором, видимо, стал редактор «НЛО» Илья Калинин⁴¹), знание о российской актуальности и образ мира которой наверняка будут повторены в проектах издательства. Диагноз ситуации от «НЛО» в целом отражает понимание того, что «исторической политики» в России – и как инфраструктуры «идеологического нарратива», и как естественной самоорганизации общества - попросту не существует:

«(1) отсутствие целостной стратегии, зачастую – элементарной последовательности в поведении власти; (2) отсутствие понимания того, какие задачи следует решать в рамках политики памяти. Нерешенность фундаментальных вопросов и противоречивость продвигаемой модели идентичности. Пока мы вместо

⁴⁰ «Трагедия сталинизма не осознана до сих пор»: Начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ рассказал о проблеме десталинизации // www.mn.ru/society_rights/20120124/310263084.html (24 января 2013).

⁴¹ Странно, что, поместив в круг своих интересов «историческую политику», филолог Илья Калинин выступил с декоративно-карикатурным марксоидным «экономическим» сочинением, которое, как представляется, написано не о России, а о той натужной архаической конспирологии, что царит в среде конструкторов «исторической политики» в России: «Сфера культурных ценностей начинает восприниматься, осознаваться и описываться в терминах природных ресурсов. Более того, она начинает работать (по крайней мере в той части, которая непосредственно контролируется государством или ориентируется на обслуживание его интересов), опираясь на те же механизмы, которые определяют и основы экономики, зависимой от эксплуатации природных ресурсов... Особенно красноречиво эта общая политэкономия государственно-корпоративного капитализма... проявляет себя в области исторической политики, которая и должна обеспечить доступ к тем самым ресурсам исторического прошлого, которые необходимы для производства традиции и идеи. ...Производство и распространение исторических представлений может быть описано через экономическую модель разветвленного холдинга... Стремление установить монопольный контроль за доступом к историческому прошлому и извлекать из этого контроля политические и административные бонусы может быть описано через экономический феномен ренты... историческая политика государства выступает как инструмент контроля за доступом к ресурсу и создания политической ренты и т.п.» (Илья Калинин. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас. М., 2013. №2: www.nlobooks.ru/node/3434)

плюрализма в исторической памяти (что возможно и желаемо в рамках консенсуса о главном русле) получаем поляризацию и фрагментацию... (3) отсутствие инфраструктуры и механизмов проведения эффективной политики памяти, нет площадок для общественно-значимого диалога, (4) крайне скудный репертуар символов, событий, фигур прошлого, используемых для мобилизации национальной солидарности и других задач политики памяти; (5) потеря инициативы в политике памяти - деградация преподавания истории и статуса исторического знания в обществе... (6) отсутствие понимания механизмов успешной политики памяти во властных структурах... Проблема не столько в том, что у власти плохая политика памяти, а в том, что квалифицированная политика памяти отсутствует как таковая; (7) ...Москва ввязывалась в конфронтацию с теми, кто именно этого и хотел от нее (все те политические силы в бывших советских и коммунистических странах, которые сделали ключевым элементом политики памяти «тоталитарный XX век», то есть объявив весь советский период однозначно черной страницей истории); (8) отсутствие представлений о европейских союзниках в сфере политики памяти, отсутствие инструментов и кадров для проведения успешной европейской политики в этой сфере; (9) нам надо быть готовыми к тому, что появляются новые игроки на этом поле (ислам в целом, и диаспоры Средней Азии)».

За неровным, но в целом трезвым, диагнозом следует, однако, сугубо партийное программное предложение, странным образом сводящее проблему общенародной и государственной «политики памяти» к персональной карьере Д.Медведева, то есть на деле – вновь следует клановое требование «монаршьей» санкции на совершенно прикладной проект «десталинизации», который по определению не может насытить «политику памяти»: ни «фундаментом и моделью идентичности», ни «консенсусом», ни «инфраструктурой» и «площадками диалога», ни «репертуаром символов», ни преодолением «деградации» школьного преподавания, ни «успешностью», ни соединением «десталинизации» с частичной реабилитацией СССР, ни «кадрами» и «союзниками», ни противостоянием исламу.

А стержень решения всех этих проблем и причину их нерешения сегодня либеральный стратег «НЛО» видит не просто в отсутствии «десталинизации» во главе с властной либеральной элитой, а в том, что эта «десталинизация» лишилась высшей государственной санкции конкретного лица. То есть в том, что Медведев больше не президент: «Начавшееся весной 2011 года складывание «антикоммунистической коалиции» в политике памяти (Медведев, либералы, РПЦ) было прервано последующими событиями – 24 сентября [выдвижение кандидатом в президенты России В.В.Путина, отказ от неоднократно анонсированного представителями Кремля выдвижения Д.А.Медведева – М.К.], ссора либералов и Кремля, ссора РПЦ и либералов, раскол внутри либерального лагеря»⁴².

Что же в итоге? В итоге российская государственная «историческая политика», ловя сигналы с Запада, отступая и падая, подстраиваясь под будущих победителей, чтя и опасаясь победителей своих собственных, настоящих, всё ещё уверена, что «говорит прозой», что вступила в первый класс всемирно-исторической цивилизации, которой только отдай ритуальную жертву «десталинизации» - и всё встанет на свои места. Но для неё – по плану «идеологического нарратива» - вообще нет места за учительским столом цивилизации. И российская общественная «историческая политика», расколота и конкурентная, политичная и профессионально зрелая, это прекрасно понимает – и с трудом отвоёвывает себе место за столом, с собственной повесткой дня и без ритуальных жертв.

⁴² См.: www.nlobooks.ru/node/3207